

Сложностно-ориентированная повестка дня для институциональной экономической теории¹

Даниил П. ФРОЛОВ

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-7873-2725>

ecodev@mail.ru

Для цитирования: Фролов, Д. П. (2023). Сложностно-ориентированная повестка дня для институциональной экономической теории. *AlterEconomics*, 20(1), 110–126.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.6>

Аннотация. Институциональная экономическая теория достаточно долго находится на пике своих научных возможностей, чтобы можно было констатировать у нее кризис среднего возраста. Несмотря на растущую междисциплинарность и другие позитивные тренды, дефицит «больших идей» и инерция методологических конвенций вводят институциональную экономику в режим стагнации. В статье рассматривается сценарий развития сложностно-ориентированной парадигмы в институциональной экономической теории. Во-первых, предлагается сфокусировать институциональные исследования на институтах цифрового капитализма, которые характеризуются гораздо более сложными чертами и свойствами, чем институты индустриального общества, поэтому их анализ требует перехода от редукционистского стиля институционалистского мышления к сложностно-ориентированному стилю. Цифровые технологии — это одновременно и трансформационные, и институциональные технологии, в связи с чем они представляют собой перспективные объекты для тестирования новых сложностно-центричных подходов. Во-вторых, рассматривается ряд методологических шагов за пределы редукционистского институционалистского мышления, включая: пересмотр модели человека в русле энактивистской (динамично-интеракционистской) парадигмы, пересмотр концепции институциональной эволюции в русле парадигмы расширенного эволюционного синтеза, пересмотр концепции институциональных систем в русле ассамбляжного подхода, внедрение релятивистской парадигмы в изучение институциональных дисфункций и патологий. В-третьих, аргументируется необходимость глубокого обновления философских оснований институционального анализа. В статье предложена рамочная философия изучения экономических институтов, комбинирующая идеи постструктурализма, акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии, социального конструкционизма и теории перформативности, процессной философии и энактивистской философии сознания. Эти нетрадиционные для экономистов взгляды позволяют расширить институционалистское воображение и достраивать стандартные институциональные методологии передовыми междисциплинарными подходами, использующими новые объясняющие переменные.

Ключевые слова: институциональная сложность, институты, цифровой капитализм, методология, институциональная эволюция, ассамбляжи, энактивизм

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00271.

¹ © Фролов Д. П. Текст. 2023.

RESEARCH ARTICLE

Complexity-Oriented Paradigm in Institutional Economics

Daniil P. FROLOV✉

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7873-2725>

✉ ecodev@mail.ru

For citation: Frolov, D. P. (2023). Complexity-Oriented Paradigm in Institutional Economics. *AlterEconomics*, 20(1), 110–126. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.6>

Abstract. Institutional economics has been at the peak of its scientific capabilities long enough to reach midlife crisis. Despite its growing interdisciplinarity and other positive trends, the field is now struggling with the lack of “big ideas” and inertia of its methodological approaches. The article considers the potential of the complexity-oriented paradigm in institutional economic theory. Firstly, one of the promising avenues for future research is to focus on the institutions of digital capitalism. They are much more complex than the institutions of industrial society and their analysis requires a move beyond the reductionist perspective. Digital technologies are both transformational and institutional technologies, which makes them suitable for testing new complexity-centric approaches. Secondly, there is a number of methodological steps that could be taken in order to overcome the reductionist approaches, for example, reconsider the concept of institutional evolution in light of the paradigm of extended evolutionary synthesis or bring the human actor model in line with the enactivist (dynamic-interactionist) paradigm. Finally, there is an obvious need for a serious revision of the philosophical foundations of institutional analysis. The article puts forward new principles for studying economic institutions, based on the ideas of post-structuralism, actor-network theory, object-oriented ontology, social constructionism and performativity theory, process philosophy and enactivist philosophy of mind. Introducing these new perspectives to economics will help us expand institutionalist imagination and supplement the standard institutional methodologies with more advanced interdisciplinary approaches.

Keywords: institutional complexity, institutions, digital capitalism, methodology, institutional evolution, assemblages, enactivism

Acknowledgments: The research has been financially supported by the Russian Science Foundation (Research project No. 21-18-00271).

1. Введение

Кризис среднего возраста — это современная фаза развития институциональной экономики, когда уже достигнуты значительные фундаментальные и прикладные результаты, но именно они становятся тормозом для новых поисковых исследований (Фролов, 2020, 2022). Несмотря на то, что широкое институционалистское сообщество активно поощряет методологические и концептуальные инновации (включая междисциплинарные эксперименты), все же существует зона комфорта, покидать которую институциональные экономисты рискуют достаточно редко и отходят от нее не слишком далеко. Конечно, эта зона комфорта неоднородна, а ее границы нечетки и проницаемы. Тем не менее, освященное традициями четырех нобелевских лауреатов (Р. Коуза, Д. Норта, Э. Острома, О. Уильямсона) исследовательское поле имеет тенденцию подталкивать исследователей в направлении проторенных магистральных путей. Преодолеть кризис среднего возраста — значит открыть новые пути, не всегда удобные и прямые, но вдохновляющие и захватывающие.

Институциональная сложность может стать новым большим ориентиром, к которому ведет множество разнообразных и интересных путей. В отличие от экономики сложности (см. подробнее Кирдина-Чэндлер, 2018), сложностно-ориентиро-

ванный институциональный анализ не делит экономические системы или институты на простые и сложные, а предлагает сфокусироваться на сложных свойствах и эффектах любых институтов и экономических систем. В отличие от экономики сложности, сложностно-ориентированный институциональный анализ ставит в центр внимания не сложные институциональные системы, а институциональную сложность. Сложностно-ориентированный институциональный анализ — это некое новое направление в институциональной экономике, претендующее на доминирующую роль, а новая методологическая перспектива или парадигма, новый стиль мышления об экономических институтах. Сложностно-ориентированный институциональный анализ предлагает (открытый к дополнениям) комплекс методологических подходов и концептуальных решений, которые могут комбинироваться в том числе со стандартными институциональными подходами, дополняя их фокусировками на сложности.

2. Экономические институты цифрового капитализма: приоритетный объект анализа

Кризис среднего возраста современной институциональной экономики выражается в том, что в ее зрелом исследовательском поле стало слишком много канонического и не подлежащего сомнению. Это уже становится большой проблемой при анализе институтов цифрового капитализма, примеров которого, следует признать, пока что крайне мало (см., например, пионерные работы по институциональным аспектам блокчейна и роботов (Davidson et al., 2018); (Frollov, 2021); (Howell, Potgieter, 2021); (Alston et al., 2022); (Guerra et al., 2022)). Поэтому институциональным экономистам нужна актуальная программа исследований, в которой цифровизация заняла бы центральное место.

Цифровизация — жужжащее модное слово, ставшее маркером технохайпа вокруг цифровых технологий. Тем не менее, вряд ли назойливое использование «околоцифровой» терминологии отменяет тот факт, что цифровой капитализм — это качественно новый тип рыночной экономики, который еще только возникает, поэтому мы можем лишь предполагать какие неведомые нам институты станут его фундаментом в будущем. Однако уже можно быть уверенным в том, что по глубине трансформаций и масштабам влияния переход к цифровому капитализму можно сравнить с другими эпохальными техно-экономическими сдвигами, такими как, промышленная революция. Безусловно, изучая институты цифрового капитализма мы должны избегать попадания в примитивное техно-детерминистское теоретизирование с его набившими оскомину нарративами о том, как новая прорывная технология (например, паровой двигатель), порождает новые прорывные институты (например, институты капитализма). Речь должна идти о взаимном конституировании между технологиями и институтами.

Печатному станку, изобретенному в середине XV в., потребовалось несколько столетий, чтобы полностью реализовать заложенный в нем потенциал трансформации всех социальных институтов. Именно печатный станок привел к возникновению верховенства закона, национального государства, всеобщего образования, общественного мнения, интеллектуальной собственности, гражданских свобод, новостей и многих других краеугольных институциональных оснований современного мира. Хотя вызванные печатным станком изменения были очень быстрыми для своего времени, все же у людей имелись многие десятилетия для того, чтобы адаптироваться к новой информационной технологии и производимым ей

институциональным сдвигам. Цифровые технологии, скорее всего, обладают сопоставимым с печатным станком трансформативным потенциалом, однако у нас практически нет времени на адаптацию. Цифровые технологии быстро проникают во все слои общества и сферы деятельности, оказывают крайне широкое и многостороннее влияние, запускают каскады подрывных инноваций (как технологических, так и институциональных), которые ведут к множественным кризисам существующих институтов, активизируя дремавшие в них скрытые противоречия и породив принципиально новые.

Цифровой капитализм в моем понимании — это новый этап эволюции капиталистических обществ, порождающий институциональную систему непрерывного накопления и расширенного воспроизводства капитала на основе широкого применения цифровых технологий, которые интенсивно влияют на все экономические, политические, социальные и культурные процессы. Цифровой капитализм — не просто отдельное измерение современного капиталистического общества (Fuchs, 2022), поскольку измерений, куда не проникла цифровизация, попросту не осталось.

Безусловно, цифровизация — это не исключительно современное явление, а многовековой процесс, связанный с расширением использования чисел (и цифр) как когнитивных и социальных технологий в человеческой деятельности. Числовые последовательности представляют собой один из важнейших институтов коммуникации, производства и обмена (Harper, 2010). Цифровые технологии — исторические продукты развития человеческой способности к числовой символизации: письменные системы счисления известны как минимум с VII века, первый цифровой программируемый компьютер был изобретен в 1820-х гг., а первый алгоритм был опубликован в 1843 г. Поэтому далее будем говорить только о современных цифровых технологиях. Их главные уникальные черты следующие:

- резко увеличивающиеся объемы производимой информации, как генерируемой пользователями (технологии Web 2.0), так и отслеживаемой алгоритмами и собираемой с сенсоров (большие данные);

- растущая погруженность принятия решений в гибридную материально-цифровую среду (платформы, дополненная реальность и виртуальная реальность, метавселенные);

- широкий спектр автономных объектов, самообучающихся и взаимодействующих между собой (автономная робототехника, интернет вещей, машинное обучение, искусственный интеллект);

- появление нового поколения технологий децентрализации и саморегулирования (блокчейн, криптовалюта, смарт-контракты, токены).

Цифровые технологии отлично комбинируются с трансформационными технологиями, которые преобразуют ресурсы в материальные продукты: примерами являются технологии цифрового аддитивного производства или точного земледелия (precision agriculture). Цифровизация значительно повышает эффективность использования всех видов ресурсов, активизирует замещение труда капиталом, генерирует инновационные каскады и создает огромную «гидру» технологических траекторий. Вместе с тем многие цифровые технологии — это главным образом институциональные технологии, которые обеспечивают эффективную координацию различных видов деятельности, снижая их трансакционные издержки (Davidson et al., 2018) и / или увеличивая производимую трансакционную ценность, т. е. по-

вышая качество транзакций (Frolov, 2021). Цифровые технологии создают всеохватывающую и неуловимую институциональную инфраструктуру, лежащую в основе нашего мышления и поведения в реалиях цифрового капитализма.

Цифровизация упрощает социальные и экономические контакты, минимизируя транзакционные издержки во многих сферах практически до нуля (Munger, 2018). Казалось бы, экономические институты в цифровую эпоху должны стать максимально эффективными. Но сокращение транзакционных проблем и трений оборачивается противоположным трендом — продуцируемым цифровыми технологиями быстрым и резким ростом институциональной сложности. Это «великое усложнение» выражается в кризисе подавляющего большинства современных институтов, от семьи, образования и наемной работы до приватности, представительной демократии и государства. Безусловно, эти множественные кризисы не вызваны напрямую цифровыми технологиями, — это был бы слишком наивный технологический детерминизм. И все же цифровые технологии ускорили многие существовавшие тренды институциональных изменений и сгенерировали новые сдвиги. Возникло множество цифровых институтов (таких как цифровые платформы, смарт-контракты и криптовалюты) с принципиально новыми чертами. Кроме того, произошла цифровизация всех существующих институтов, вызвавшая их глубокие трансформации.

Институты цифрового капитализма кардинально отличаются от институтов индустриального общества гораздо большей сложностью. Важность сложностно-ориентированной перспективы для изучения цифровых и оцифрованных институтов связана с тем, что любые инновации нарушают сложившееся равновесие, а цифровые технологии в принципе антиравновесны. Цифровые технологии, например, алгоритмы — это диффузные, неоднородные и нестабильные объекты, которые действуют многообразными путями через разные институты и инфраструктуры. Этот взгляд отличается от стандартного подхода компьютерной науки, согласно которому алгоритмы являются четко формализованными и однозначно заданными объектами. Исследователи часто представляют алгоритмы как закрытые системы, самоисполняющиеся при помощи кода. Такой чисто компьютерный взгляд чрезмерно упрощает реальную социальную и институциональную природу алгоритмов, которые вплетены в запутанную конфигурацию властных, дискурсивных, рыночных, технологических и других отношений и институтов. Алгоритмы — нестабильные, аморфные техносоциальные объекты, неразрывно переплетенные с институтами, сообществами, дискурсами и материальными инфраструктурами и динамично меняющиеся во взаимодействии с ними. Поэтому такие выводы, как «алгоритмы непрозрачны», «алгоритмы создают возможности для манипуляций» или «алгоритмы испорчены предубеждениями» — это не технологические, а, прежде всего, институциональные проблемы. Конечно, как и любые институты, институты цифрового капитализма имеют достаточно стабильные компоненты, которые обеспечивают социальный порядок и определенность. Но мы должны обращать большее внимание на те гетерогенные, динамичные и запутанные процессы, которые происходят за фасадом этой видимой стабильности. Например, с конвенциональной точки зрения блокчейн-сети представляют собой достаточно статичные и гомогенные институциональные структуры; однако нам следовало бы делать акцент на запутанной и полицентричной структуре блокчейн-сетей, которые в содержательном смысле часто являются «разочаровывающе слож-

ными» (Alston et al., 2022). Поэтому сложностно-ориентированный подход позволяет гораздо адекватнее понять что такое блокчейн-сети, как они функционируют и изменяются.

Тестирование существующих институциональных методологий на крайне сложных примерах цифрового капитализма позволит обнаружить и оперативно скорректировать их (методологий) слабые стороны. В свою очередь, анализ цифровых и оцифрованных экономических институтов с точки зрения их институциональной сложности может позволить создать многообещающие методологические оптики. Фокусировка на взаимовлиянии цифровых технологий и институтов цифрового капитализма позволит открыть новые пути институционального теоретизирования и практико-ориентированных исследований.

Цифровые технологии усложняют институциональную реальность и должны усложнить институциональную экономическую теорию. На мой взгляд, всестороннее изучение и глубокое понимание институтов цифрового капитализма позволит вывести институциональную экономику на новый уровень достижений. Не случайно Дж. Поттс считает, что развитие общей теории цифровой экономики должно стать базовой исследовательской программой для эволюционной экономики (Potts, 2020), которая также уже долго находится в кризисе среднего возраста. Создание теории цифрового капитализма могло бы стать долгосрочной коллаборацией наших двух дисциплин.

Многомерные институциональные изменения, вызываемые цифровыми технологиями, требуют новых теорий, содержательно подобных этим технологиям и адекватных порождаемой ими институциональной системе. Новые цифровые технологии ставят под сомнение многие известные теории и подходы к анализу институтов, а также высвечивают новые направления их дальнейшего совершенствования. Ведь технологии могут сказать об институтах не меньше, чем институты о технологиях. Индустриальная эпоха дала нам понимание институтов как машин, целенаправленно конструируемых для выполнения определенных функций. Интернет подтолкнул нас к пониманию институтов как спонтанно самоорганизующихся гибких сетевых структур. Технологии Web 2.0 (особенно социальные медиа) помогают осознать роль обычных акторов в со-производстве и изменении институтов. Блокчейн и большие данные позволяют нам переосмыслить минимизацию транзакционных издержек как главную функцию институтов. Алгоритмы и платформы наводят на мысли о роли технологически продвигаемых когнитивных правил в принятии решений и моральных суждениях. Дополненная реальность, виртуальная реальность и метавселенные могут многое сказать о цифровой материальности институтов. Искусственный интеллект и автономная робототехника могут помочь нам в размышлениях о пределах антропоцентричных институтов.

3. Как изучать институциональную сложность: первоочередные шаги

Перечислим далее ключевые методологические сдвиги, необходимые для перехода к сложностно-ориентированному анализу институтов.

1. Отказ от редукционистских подходов в пользу методологически усложненных и онтологически насыщенных объяснений.

Редукционизм является обратной стороной научной абстракции, неизбежной платой за эффективность этого метода, который продолжает доминировать в ин-

ституциональных исследованиях. Но в условиях быстрого роста вызванной цифровойизацией институциональной сложности экономических и социальных систем, редуccionистские подходы становятся все менее продуктивными. Речь при этом идет о нередуцируемой сложности, т. е. сложности, связанной, с одной стороны, с высоким уровнем синергии и адаптивности, а, с другой, с высочайшей запутанностью и даже беспорядочностью. Институты такой сложности бесполезно пытаться аналитически упрощать, абстрагируясь от кажущихся малозначимыми элементов и отношений. Наоборот, институты в цифровом мире необходимо пытаться «схватывать» как высокодинамичные, гетерогенные и противоречивые объекты, не просто рассматривая их с разных сторон, но постоянно меняя точку зрения, уровень анализа и методологическую оптику.

Анализ, сфокусированный на отдельном (пусть и очень важном) аспекте институтов цифрового капитализма или оперирующий бинарными оппозициями, в принципе не способен сформировать адекватное представление о них. Усложняющиеся институты позволяют упорядочивать и координировать нередуцируемо сложные виды деятельности, но это не значит, что эти институты сами становятся более четкими, целостными и логичными. Напротив, институты цифрового капитализма наиболее часто нестабильны, аморфны, неоднородны, перемешаны, полны внутренних трений и противоречий, непредсказуемы, наконец, они просто странные.

Поэтому сложностно-ориентированный институциональный анализ должен отвергнуть редуccionизм любого рода, в частности односторонние, дихотомические, механистические или прямолинейные причинно-следственные способы мышления об институтах. Принцип бритвы Оккама также попадает в этот «стоп-лист»: стремление к максимально четким определениям или наиболее простым объяснениям очень плохо работает при анализе нередуцируемой институциональной сложности. Элегантные модели и лаконичные аналитические рамки чаще всего абстрагируются от слишком многих значимых факторов. Сложность невозможно описать дихотомиями или редуccionировать к какому-либо одному аспекту. Сложностно-ориентированный институциональный анализ может постараться избежать методологического индивидуализма (предлагающего объяснения институтов через поведение их индивидуальных агентов), реификации (рассмотрения институтов как квази-акторов), эмерджентизма (холистического сведения институтов к их эмерджентным свойствам), экстернализма (придания критически значимой роли в развитии институтов внешней среде) и многих других упрощающих методологических подходов.

2. Пересмотр модели человека как когнитивного агента.

Стандартная институциональная парадигма базируется на редуccionистских, и поэтому шатких представлениях о том, как работает человеческое сознание. Поведенческие предпосылки, из которых исходят в своем анализе институциональные экономисты, можно представить в виде двух моделей. В основе нового институционализма лежит модель контрактного человека (Williamson, 1985), согласно которой люди — это ограниченно рациональные существа, склонные к оппортунизму. В свою очередь, оригинальный институционализм неявно базируется на модели *homo sociologicus*, согласно которой индивидуальные когнитивные процессы культурно укоренены и детерминированы институтами, как и другими социальными конструктами. Сложностно-ориентированные институциональ-

ные экономисты могли бы отказаться от фиксированного представления о рациональности и от попыток поиска унифицированной модели человека в экономической науке. Лучший путь в этом направлении связан с концептуальным переходом от ограниченной рациональности к экологической рациональности. Сейчас основное внимание в институциональной экономике (и в экономике в целом) уделяется контекстно-нейтральным процессам познания и универсальной модели рациональности. Напротив, концепция экологической рациональности фокусируется на контекстно-специфичном познании, а это значит, что в реальном мире существуют многочисленные ниши со специфичными критериями успеха когнитивных стратегий и практик. Решения, рациональные в одном контексте, чаще всего не вполне рациональны в других. Институты, выполняющие когнитивные функции, трактуются в стандартной институциональной парадигме как достаточно стабильные общие ментальные модели (*shared mental models*), которые люди интернализируют в качестве индивидуальных убеждений или фреймов, и затем используют их в своих когнитивных процессах. В свою очередь, сложностно-ориентированный институциональный анализ мог бы двинуться дальше в понимании когнитивных процессов, опираясь на самые передовые идеи в философии сознания, прежде всего, на энтивистскую философию (см. подробнее (Petrasca & Gallagher, 2020); (Frolov, 2022a, 2022b); Gallagher & Petrasca, 2022)). Кроме того, цифровые технологии добавляют автоматизацию в наши мыслительные операции, делая ненужными многие когнитивные навыки, а алгоритмы социальных медиаплатформ замыкают нас в цифровых пузырях фильтров и эхо-камерах со стереотипным и поляризованным контентом. И именно поэтому важно обратить большее внимание на активную индивидуальную агентность в цифровых институциональных контекстах, на перформативные способности людей и их активное со-конструирование цифровых и оцифрованных институтов.

3. Повышение усложненности и утонченности понимания институциональных структур и институциональной эволюции.

Институциональные экономисты достигли значительных результатов в изучении институциональных изменений и эволюции институтов. Тем удивительнее, что эти результаты опираются на довольно упрощенные концептуальные основы. Конвенциональный «организмоподобный» подход состоит в том, что институциональные структуры или системы, — это единые, неразрывные, функционально интегрированные, почти гомогенные целостности. Сложностно-ориентированным институциональным экономистам следовало бы максимально дистанцироваться от такого взгляда и перейти к ассамбляжному мышлению. С ассамбляжной точки зрения институциональная структура (система) чаще всего представляет собой внутренне неоднородное, фрагментированное, гибкое, раздражимое «целое», раздражаемое внутренними противоречиями и основанное на нескольких альтернативных логиках координации, которые действуют параллельно. Такие институциональные структуры как ассамбляжи не преодолевают свою неоднородность в процессе своего развития и не становятся интегрированными целостностями. Анализ институциональных ассамбляжей требует расставания с пониманием институтов как стабильных, фиксированных, функционально согласованных объектов и фокусировки на внутренних напряжениях и конфликтах, динамичных интеракциях и рекомбинациях. Если в стандартной институциональной парадигме институциональные системы любого масштаба преимущественно рассматрива-

лись как стабильные, монолитные, функционально определенные, в высокой степени упорядоченные и предсказуемые, то сложностно-ориентированная парадигма интерпретирует институты как флюидные, гибридные, мультифункциональные, запутанные и полные неожиданностей. Именно таковы институты цифрового капитализма.

Современная институциональная экономика — еще и заложница стереотипного (универсализированного) дарвинистского понимания эволюции и в частности эволюции институтов. Прежде всего, речь идет об адапционизме: эволюция институтов односторонне рассматривается с точки зрения доминантной роли внешней среды к которой институты пассивно адаптируются. Сложностно-ориентированный институциональный анализ должен сконцентрировать приоритетное внимание на влиянии акторов на среду посредством ее совместного конструирования и пересборки институтов в разнообразных нишах. Не менее важно изменить наше понимание причинности в институциональной эволюции: изменения в современных мультисубъектных институтах невозможно объяснить с точки зрения статичной и механистичной причинно-следственной концепции. Эти и многие другие перспективные методологические идеи могут быть адаптированы из арсенала расширенного эволюционного синтеза, который приходит на смену неodarвинизму в эволюционной биологии (Фролов, 2020).

4. Внедрение релятивистской парадигмы в анализ эффективности институтов и их дисфункций.

Провалы, дисфункции, кризисы и патологии институтов стали в наши дни широко распространенными явлениями. При современном уровне институциональной сложности (который продолжает расти) подавляющее большинство кажущихся институциональных провалов и патологий оказываются ее объективными следствиями и формами проявления. Поэтому целесообразно избегать их однозначно негативной оценки и стигматизации. Нам нужно также отказаться от дисфункционального мышления (*failure thinking*) в целом и сравнения реальных несовершенных институтов с их воображаемыми эталонами, перейдя к релятивистской парадигме. С точки зрения этой парадигмы вместо противопоставления плохих и хороших институтов (например, центрального планирования и капитализма, экстрактивных и инклюзивных институтов) институциональные экономисты могли бы задаться вопросами «почему» и «как» институциональное разнообразие возникает и эволюционирует в различных социокультурных условиях. Важно признать полиальтернативность институциональной эволюции и перейти к нейтральной оценке любых, особенно гибридных траекторий развития институтов. Кроме того, сложностно-ориентированный институциональный анализ мог бы избегать оценок эффективности институтов с (имплицитной) точки зрения отдельных бенефициаров или общества как целого, вместо этого нам следовало бы развивать нюансированные мультикритериальные подходы к эффективности институтов, делая особый акцент на качественных показателях.

5. Разработка новой концептуальной рамки для экономической политики в условиях цифрового капитализма.

Нормативные рекомендации, предлагаемые в стандартной институциональной парадигме, можно разделить на антидисфункциональные и минимизационные. Рекомендации антидисфункционального типа сводятся к обоснованию необходимости государственных интервенций, направленных на корректировку ин-

ституциональных сбоев (например, провалов рынка или государства) с целью возвращения институтов к встроенному в них оптимальному состоянию (Schmidt, 2018). Если мейнстримные экономисты разрабатывают специфические инструменты таких интервенций, то институциональные экономисты делают акцент на изменениях в правилах широкого действия: вот и все отличие по большому счету (Harper, 2018). Минимизационные рекомендации ориентируют на совершенствование институциональной среды по критерию минимизации транзакционных издержек. В частности, это предполагает внедрение эталонных институтов, чаще всего институтов, связанных с порядками открытого доступа (North et al., 2009), или инклюзивных институтов (Acemoglu & Robinson, 2019), которые обеспечивают развитие свободного рынка и демократии. Такие эталонные институты рассматриваются в качестве достаточно универсальных рецептов для успеха любой экономики (хотя, безусловно, институциональные экономисты осознают огромное множество ограничений, связанных с трансфером «лучших» институтов в развивающиеся страны). По существу оба типа институционалистских рекомендаций почти неотличимы от неоклассических. Но это не главное: все эти рекомендации откровенно редуционистские по своему характеру.

Осознание нередуцируемой институциональной сложности, растущей в условиях цифрового капитализма, и переход к сложностно-ориентированному мышлению важны не только для институциональных теоретиков, но в еще большей степени для разработчиков экономической политики. Доминирующий редуционизм приводит к тому, что концепции регулирования цифровых институтов ориентируются на простые классификации и точные количественные оценки, что приводит к неверным интерпретациям и неэффективным решениям. В этой связи перед сложностно-ориентированными институциональными экономистами встает серьезнейший вызов, связанный с обновлением теоретических объяснений и нормативных рекомендаций для экономической политики. Речь идет не о развитии некоего разделяемого всем научным сообществом комплекса принципов и идей регулирования экономики, а, прежде всего, об активизации практико-ориентированных институциональных исследований в русле институциональной сложности.

В частности, регулирование цифровых платформ и экосистем до сих пор остается в плену у морально устаревших концепций, которые стремятся к обеспечению аналитической четкости и точности измерения. Эти концепции и соответствующие инструменты предназначены для равновесных, лишенных трений, неоклассических рыночных миров, игнорируя сложную динамику, лежащую в основе совместного создания ценности в цифровом капитализме. В результате скрытые и закамуфлированные эксплуататорские практики, которые применяют Big Tech корпорации в отношении своих дополняющих компаний (комплементоры) находятся в зоне плохой видимости регуляторов (Jacobides & Lianos, 2021). Многие стандартные теории не выдерживают испытания цифровой реальностью, например, речь идет о статичной интерпретации конкуренции (в традициях Чикагской школы), вследствие чего регуляторы слишком часто опираются на популистские антимонопольные нарративы, игнорируя необходимость перехода к динамичной конкурентной политике (Petit & Teece, 2021). Экономическая политика в эпоху цифрового капитализма нуждается в гораздо более усложненных теоретических основаниях: времена простых решений безвозвратно прошли.

4. Новые философии для институциональной экономики

Превращение институциональной экономической теории в унылую инструментальную науку — это худший сценарий ее развития и новые философские подходы могут стать отличным рецептом, чтобы избежать его. Серьезнейшие философские проблемы и глубокие дискуссии позволят нам генерировать новые «большие идеи», касающиеся институтов цифрового капитализма.

Я предлагаю опираться на ряд новых для институциональных экономистов философских подходов, которые в совокупности задают философскую рамку сложностно-ориентированного институционального анализа (табл.).

Во-первых, постструктуралистское наследие крайне важно для исследований институциональной сложности. Постструктуралисты (М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотард, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр и др.) наотрез отказались от свойственного западной социальной мысли фокуса на бинарных оппозициях и подвергли жесткой критике универсальные нарративы и теории. Постструктурализм перенес акцент на различия, разнообразие и разнородность в социальных системах. Вместо понимания институтов как стабильных и однородных, априорно существующих структур постструктуралисты поставили в центр внимания процессы и силы становления и дестабилизации. Изучая доминирование унифицирующих институтов, эти философы стремились к глубокому пониманию процесса нормализации и путей сопротивления угнетающим социальным практикам.

Таблица

Философские идеи для сложностно-ориентированного институционального анализа

Table

Conceptual Framework for Complexity-Oriented Institutional Analysis

Источники идей	Задаваемые акценты изучения институтов
Постструктурализм	Становление, нестабильность, пластичность, флюидность, нечеткость, бесформенность, нефиксируемость институтов
Акторно-сетевая теория	Гетерогенность: акцент на координации качественно разнородных институтов в сложных институциональных системах. Антидисциплинарность: отказ от описания гетерогенных институтов разными языками в узких дисциплинарных полях
Объектно-ориентированная онтология	Антиредукционизм, включая антихолизм как частный случай: институциональные системы больше своих частей, но меньше создаваемых ими эффектов, поэтому они постоянно «ускользают» от всеобъемлющего анализа. Плоская онтология: отказ от детерминизмов и фетишизаций всех видов, т. к. все объекты имеют одинаковый онтологический статус
Социальный конструкционизм и теория перформативности	Институты — это коммуникационные и социальные конструкции, изменяемые в ходе их повседневного практикования и обсуждения. Отказ от противопоставления методологий холизма и индивидуализма
Процессная философия	Институты — это сложные процессные системы, открытые комбинации разнородных и разнонаправленных процессов
Экстернализм и энактивизм	Индивидуальные когнитивные процессы расширены за пределы мозга и вовлекают разнообразные когнитивные артефакты и структуры, в том числе институты. Когнитивные институты обеспечивают социально расширенное познание и имеют динамичную (процессную) природу

Во-вторых, акторно-сетевая теория (АСТ) дает нам динамичное и «коллективно-сборочное» понимание социального, включая социальные институты. Социальное образуется и воспроизводится через непрерывные связи между гетерогенными элементами, в связи с чем принципиальным является отказ от четких дисциплинарных границ, которые только мешают изучать гетерогенность. Главный девиз АСТ — «следуйте за самими акторами» (Latour, 2000), из чего следует то, что холистическое мышление является неприемлемым. Однако и методологический индивидуализм отвергается: вместо этого главный фокус делается на отслеживание реальных социальных связей. Производителями социальных связей являются как человеческие акторы, так и нечеловеческие актанты, от документов и карт до инфраструктурных объектов и организационных проектов. АСТ также уделяет большое внимание беспорядку (Law, 2004) как наиболее важного аспекта социальных структур, что органично предполагает курс на методологический плюрализм для изучения хаотизации институтов.

В-третьих, сложностно-ориентированная перспектива перекликается со многими принципами объектно-ориентированной онтологии (ООО), одного из наиболее провокационных и влиятельных течений в современной философии (Г. Харман, Л. Брайант, Т. Мортон и др.). ООО продвигает идею плоской онтологии, согласно которой человеческие существа не имеют главенствующего онтологического статуса среди других живых или неодушевленных, материальных или идеальных объектов. В этой связи ООО фокусируется на широчайшей гамме разнообразных объектов, переплетенных между собой, не отдавая каким-либо из них главной роли (Harman, 2018; Morton, 2018). Соответственно, ООО отказывается от антропоцентричного мышления и любых разновидностей редукционизма. Объекты, с одной стороны, не сводимы к сумме своих свойств (из-за эмерджентности), а, с другой стороны, всегда избыточны относительно самих себя (то есть не могут быть адекватно поняты как эмерджентное целое). При всей ее парадоксальности, плоская онтология — один из важнейших путей сложностно-ориентированного мышления об институциональных системах.

В-четвертых, социальный конструкционизм, как и теория перформативности, могли бы стать ценными источниками вдохновения для сложностно-ориентированного институционального анализа. Любые экономические институты — это социально конструируемые феномены (Granovetter, 1992). Они являются результатами коллективного действия, в которых участвуют индивиды, социальные группы, организации, сообщества, движения и другие акторы. В частности, они коллективно присваивают статусные функции, которые и делают некие объекты институциональными фактами (Searle, 2005). Индивидуальные действия значимо влияют на конструирование институтов, поскольку обладают перформативностью: социальные нормы должны быть исполнены, чтобы существовать, а, значит, изменения в индивидуальных исполнениях могут вызывать незаметные трансформации норм (Butler, 2004). Акторы используют разные инструменты и техники для того, чтобы конструировать институты, от языка и практик до смартфонов и кодов. Особое значение имеет дискурсивное конструирование институтов: эта аналитическая традиция восходит к трудам М. Фуко. Конечно, пути конструирования институтов в цифровом капитализме содержательно трансформировались и усложнились, требуя самого пристального внимания институциональных экономистов.

В-пятых, процессная философия концептуально близка к сложностно-ориентированной перспективе. Эта философская традиция началась с идеи Гераклита, прошла через многочисленные реинкарнации и расцвела в многообразии постструктуралистских концепций, сфокусированных на непрерывности становления. В наши дни важные продвижения на основе процессной философии осуществлены в биологии (Дж. Дюпре), в АСТ (Б. Латур) и в когнитивной науке (энактивистская школа). С точки зрения процессной философии, институты — это в большей степени процессы, чем субстанции, скорее глаголы, чем существительные, чаще флюидность, чем фиксация. Процессный взгляд на институты также позволяет преодолеть недостатки их грубого иерархического понимания в пользу более реалистичного мультискалярного подхода.

В-шестых, сложностно-ориентированный институционализм очень сильно выиграл бы, порвав с индивидо-центричными и интерналистскими концепциями познания и рациональности, доминирующими в современной институционалистской и мейнстримной литературе. Альтернативой является философия экстернализма и ее наиболее бурно развивающееся течение — энактивизм, которое продвигает динамично-интеракционистское понимание познания. Экстерналистская философия рассматривает когнитивные процессы как не ограниченные мозгом (т. е. нейробиологические), а включающее все тело и расширенные в окружающий мир (см. подробнее: Gallagher, 2020). Внешние артефакты и структуры являются необходимыми ресурсами для познания, более того, со многими внешними элементами когнитивные процессы связаны неразрывно. Поэтому познание не сводится только к ментальным (нейробиологическим) процессам, но охватывает также непрерывные взаимодействия людей с их социальными, технологическими, материальными и институциональными контекстами. В фокусе энактивистов находится социально расширенное познание, в котором ключевую роль играют когнитивные институты — интерактивно и полицентрично со-производимые системы когнитивных норм, упорядочивающие выполнение разного рода мыслительных операций (Frolov, 2022b). Когнитивные институты — отличный пример динамичных средовых систем (см. о средовых системах: Клейнер, 2021): в этом направлении исследований предстоит большая работа.

5. Заключение

Сложностно-ориентированная перспектива предлагает выраженную фокусировку на сложных свойствах, характеристиках и эффектах институтов любого уровня сложности, которые обычно находятся за рамками стандартной институциональной методологии. Ключевой посыл, следующий из помещения нередуцируемой институциональной сложности в фокус институционального анализа, состоит в необходимости занять позицию принципиального антиредукционизма. Редукционизм как методологическая практика не плох сам по себе и вполне может быть эффективным для решения определенных (достаточно простых) исследовательских задач. И все же множество таких задач стремительно сокращается на фоне взрывного роста институциональной сложности. Возникающая на наших глазах грандиозная архитектура институтов цифрового капитализма, опирающаяся на невидимые и нечеткие техно-институциональные инфраструктуры, не может изучаться привычными (старыми) и удобными (устаревшими) методами. Конечно, сложностно-ориентированный институциональный анализ — это не го-

товый к применению набор методологий и методик: нам предстоит создавать, дополнять и изменять его буквально на ходу (или на бегу). Но сначала мы должны сделать сложный методологический выбор в пользу сложностно-ориентированного мышления. Принять красную таблетку и узнать, глубока ли кроличья нора¹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2018). Мезоэкономика и экономика сложности: актуальный выход за пределы ортодоксии. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 6–17. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017

Клейнер, Г. Б. (2021). Перспективы системного расширения институциональной экономической теории. *Экономическая наука современной России*, 3, 7–17. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3\(94\)-7-17](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-7-17)

Фролов, Д. П. (2020). Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима. *Вопросы экономики*, 5, 107–140. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-107-140>

Фролов, Д. П. (2022). Будущее плюралистичной институциональной теории. *Вопросы экономики*, 4, 45–69. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-4-45-69>

Acemoglu, D., Robinson, J. (2019). *The Narrow Corridor States, Societies, and the Fate of Liberty*. New York: Penguin Press, 576.

Alston, E., Law, W., Murtazashvili, I., Weiss, M. (2022). Blockchain networks as constitutional and competitive polycentric orders. *Journal of Institutional Economics*, 18(5), 707–723.

Butler, J. (2004). *Undoing Gender*. London, New York: Routledge, 284.

Davidson, S., De Fillippi, P., Potts, J. (2018). Blockchains and the economic institutions of capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 14(4), 639–658. DOI:10.1017/S1744137417000200

Frolov, D. (2021). Blockchain and institutional complexity: An extended institutional approach. *Journal of Institutional Economics*, 17(1), 21–36. DOI:10.1017/S1744137420000272

Frolov, D. (2022a). Crafting of cognitive institutions for overcoming the COVID-19 pandemic. *Journal of Institutional Economics*, 18(6), 953–959. DOI:10.1017/S1744137422000030

Frolov, D. (2022b). Post-Northian institutional economics: a research agenda for cognitive institutions. *Journal of Institutional Economics*, 1–17. DOI:10.1017/S1744137422000285

Fuchs, C. (2022). *Digital Capitalism: Media, Communication and Society Volume Three*. London: Routledge, 342.

Gallagher, S. (2020). *Action and Interaction*. Oxford: Oxford University Press, 320.

Gallagher, S., Petracca, E. (2022). Trust as the glue of cognitive institutions. *Philosophical Psychology*. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515089.2022.2134767>.

Granovetter, M. (1992). Economic Institutions as Social Constructions: A Framework for Analysis. *Acta Sociologica*, 35(1), 3–11. <https://doi.org/10.1177/000169939203500101>

Guerra, A., Parisi, F., Pi, D. (2022). Liability for robots I: Legal challenges. *Journal of Institutional Economics*, 18(3), 331–343. <https://doi.org/10.1017/S1744137421000825>

Harman, G. (2018). *Speculative Realism: An Introduction*. Cambridge: Polity, 190.

Harper, D. A. (2010). Numbers as a cognitive and social technology: on the nature of conventional number sequences used in economic systems. *Journal of Institutional Economics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1017/S1744137409990373>

Harper, D. A. (2018). Innovation and institutions from the bottom up: an introduction. *Journal of Institutional Economics*, 14(6), 975–1001. <https://doi.org/10.1017/S174413741800019X>

Howell, B., Potgieter, P. (2021). Uncertainty and dispute resolution for blockchain and smart contract institutions. *Journal of Institutional Economics*, 17(4), 545–559. <https://doi.org/10.1017/S1744137421000138>

¹ Перифраз слов Морфеуса из «Матрицы» 1999 года: «You take the red pill, you stay in wonderland, and I show you how deep the rabbit hole goes».

- Jacobides, M. G., Lianos, I. (2021). Regulating platforms and ecosystems: an introduction. *Industrial and Corporate Change*, 30(5), 1131–1142. <https://doi.org/10.1093/icc/dtab060>
- Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press, 301.
- Law, J. (2004). *After Method: Mess in Social Science Research*. Abingdon, UK: Routledge, 188.
- Morton, T. (2018). *Being Ecological*. Cambridge: The MIT Press, 216.
- Munger, M. C. (2018). *Tomorrow 3.0: Transaction Costs and the Sharing Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 188.
- North, D. C., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New York, the USA: Cambridge University Press, 308.
- Petit, N., Teece, D. J. (2021). Innovating Big Tech firms and competition policy: favoring dynamic over static competition. *Industrial and Corporate Change*, 30(5), 1168–1198. <https://doi.org/10.1093/icc/dtab049>
- Petracca, E., Gallagher, S. (2020). Economic Cognitive Institutions. *Journal of Institutional Economics*, 16(6), 747–765. <https://doi.org/10.1017/S1744137420000144>
- Potts, J. (2020). Evolution of the Digital Economy: A Research Program for Evolutionary Economics. *The Research Agenda for Evolutionary Economics*. In K. Dopfer (Ed.). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3736320>
- Schmidt, P. (2018). Market failure vs. system failure as a rationale for economic policy? A critique from an evolutionary perspective. *Journal of Evolutionary Economics*, 28(4), 785–803. <https://doi.org/10.1007/s00191-018-0564-6>
- Searle, J. R. (2005). What is an institution? *Journal of Institutional Economics*, 1(1), 1–22. <https://doi.org/10.1017/S1744137405000020>
- Williamson, O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting*. New York: Free Press, 450.

References

- Acemoglu, D. & Robinson, J. (2019). *The Narrow Corridor States, Societies, and the Fate of Liberty*. New York: Penguin Press, 576.
- Alston, E., Law, W., Murtazashvili, I. & Weiss, M. (2022). Blockchain networks as constitutional and competitive polycentric orders. *Journal of Institutional Economics*, 18(5), 707–723.
- Butler, J. (2004). *Undoing Gender*. London, New York: Routledge, 284.
- Davidson, S., De Fillippi, P. & Potts, J. (2018). Blockchains and the economic institutions of capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 14(4), 639–658. DOI:10.1017/S1744137417000200
- Frolov, D. P. (2022). Budushchee plyuralistichnoi institutsionalnoi teorii [The future of pluralistic institutional theory]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 45–69. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-4-45-69> (In Russ.)
- Frolov, D. (2021). Blockchain and institutional complexity: An extended institutional approach. *Journal of Institutional Economics*, 17(1), 21–36. DOI:10.1017/S1744137420000272
- Frolov, D. (2022a). Crafting of cognitive institutions for overcoming the COVID-19 pandemic. *Journal of Institutional Economics*, 18(6), 953–959. DOI:10.1017/S1744137422000030
- Frolov, D. (2022b). Post-Northian institutional economics: a research agenda for cognitive institutions. *Journal of Institutional Economics*, 1–17. DOI:10.1017/S1744137422000285
- Frolov, D. P. (2020). Postinstitutsionalizm: za predelami institutsionalnogo meinstrima [Post-institutionalism: Beyond the Institutional Mainstream]. *Voprosy ekonomiki*, 5, 107–140. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-107-140> (In Russ.)
- Fuchs, C. (2022). *Digital Capitalism: Media, Communication and Society Volume Three*. London: Routledge, 342.
- Gallagher, S. & Petracca, E. (2022). Trust as the glue of cognitive institutions. *Philosophical Psychology*. <https://doi.org/10.1080/09515089.2022.2134767>
- Gallagher, S. (2020). *Action and Interaction*. Oxford: Oxford University Press, 320.

- Granovetter, M. (1992). Economic Institutions as Social Constructions: A Framework for Analysis. *Acta Sociologica*, 35(1), 3–11. <https://doi.org/10.1177/000169939203500101>
- Guerra, A., Parisi, F. & Pi, D. (2022). Liability for robots I: Legal challenges. *Journal of Institutional Economics*, 18(3), 331–343. <https://doi.org/10.1017/S1744137421000825>
- Harman, G. (2018). *Speculative Realism: An Introduction*. Cambridge: Polity, 190.
- Harper, D. A. (2010). Numbers as a cognitive and social technology: on the nature of conventional number sequences used in economic systems. *Journal of Institutional Economics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1017/S1744137409990373>
- Harper, D. A. (2018). Innovation and institutions from the bottom up: an introduction. *Journal of Institutional Economics*, 14(6), 975–1001. <https://doi.org/10.1017/S174413741800019X>
- Howell, B. & Potgieter, P. (2021). Uncertainty and dispute resolution for blockchain and smart contract institutions. *Journal of Institutional Economics*, 17(4), 545–559. <https://doi.org/10.1017/S1744137421000138>
- Jacobides, M. G. & Lianos, I. (2021). Regulating platforms and ecosystems: an introduction. *Industrial and Corporate Change*, 30(5), 1131–1142. <https://doi.org/10.1093/icc/dtab060>
- Kirdina-Chandler, S. G. (2018). Mezoekonomika I ekonomika slozhnosti: aktualnyi vykhod za predely ortodoksii [Mesoeconomics and Complexity Economics: Going Beyond the Limits of Economic Orthodoxy]. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 6–17. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017 (In Russ.)
- Kleiner, G. B. (2021). Perspektivy sistemnogo rasshireniya institutsionalnoi ekonomicheskoi teorii [Prospects for System Expansion of Institutional Economic Theory]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 3, 7–17. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3\(94\)-7-17](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2021-3(94)-7-17) (In Russ.)
- Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press, 301.
- Law, J. (2004). *After Method: Mess in Social Science Research*. Abingdon, UK: Routledge, 188.
- Morton, T. (2018). *Being Ecological*. Cambridge: The MIT Press, 216.
- Munger, M. C. (2018). *Tomorrow 3.0: Transaction Costs and the Sharing Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 188.
- North, D. C., Wallis, J. J. & Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New York, the USA: Cambridge University Press, 308.
- Petit, N. & Teece, D. J. (2021). Innovating Big Tech firms and competition policy: favoring dynamic over static competition. *Industrial and Corporate Change*, 30(5), 1168–1198. <https://doi.org/10.1093/icc/dtab049>
- Petracca, E. & Gallagher, S. (2020). Economic Cognitive Institutions. *Journal of Institutional Economics*, 16(6), 747–765. <https://doi.org/10.1017/S1744137420000144>.
- Potts, J. (2020). Evolution of the Digital Economy: A Research Program for Evolutionary Economics. *The Research Agenda for Evolutionary Economics*. In K. Dopfer (Ed.). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3736320>
- Schmidt, P. (2018). Market failure vs. system failure as a rationale for economic policy? A critique from an evolutionary perspective. *Journal of Evolutionary Economics*, 28(4), 785–803. <https://doi.org/10.1007/s00191-018-0564-6>
- Searle, J. R. (2005). What is an institution? *Journal of Institutional Economics*, 1(1), 1–22. <https://doi.org/10.1017/S1744137405000020>
- Williamson, O. E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting*. New York: Free Press, 450.

Информация об авторе

Фролов Даниил Петрович — доктор экономических наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет; <https://orcid.org/0000-0002-7873-2725> (Российская Федерация, 400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 28; e-mail: ecodev@mail.ru).

About the author

Daniil P. Frolov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Volgograd State Technical University; <https://orcid.org/0000-0002-7873-2725> (28, prospekt imeni V. I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation; e-mail: ecodev@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 15.11.2022.

Прошла рецензирование: 10.12.2022.

Принято решение о публикации: 15.02.2023.

Received: 15 Nov 2022.

Reviewed: 10 Dec 2022.

Accepted: 15 Feb 2023.